

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2022

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ/НЕПОБУДИТЕЛЬНОЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВА «СПУТНИК И ПОГРОМ» СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)²³

Аннотация. В статье описываются семантико-прагматические особенности форм долженствования, функционирующих в дискурсе русских националистов, представленном в сообществе «Спутник и Погром» социальной сети «ВКонтакте». Автор разграничивает побудительное и непобудительное долженствование: первое представляют высказывания, отражающие ситуации утилитарного, морального и социального долга; второе – дескриптивные высказывания, констатирующие ситуацию долженствования, и высказывания, не предполагающие адресата в качестве субъекта волеизъявления или агенса потенциальной ситуации, отличающиеся сочетанием семантики утилитарности и желания.

Ключевые слова: дискурс русских националистов, долженствование, императивность, неимперативность.

Проблема дифференциации семантики долженствования, в том числе Осложненной / неосложненной значением императивности, до настоящего времени так и не нашла своего однозначного решения [22]. Особенно остро стоит вопрос об оценке семантико-прагматического статуса конструкций, выражающих значение долженствования в рамках общественно-политического дискурса, когда необходимо разграничивать их прескриптивный и дескриптивный статусы. В лингвистической литературе, описывающей императивные средства, этот вопрос принято решать, исходя из грамматического выражения, когда формы долженствования почти безоговорочно относятся к побудительным [11: 154, 260–262; 12: 156–157; 16: 32–33] как

²³ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

266 | формы «косвенного» или «непрямого» побуждения, находящиеся на «периферии поля императивности» [там же: 30]. Однако важно осознавать, что косвенное побуждение «выступает как смысл, передаваемый посредством формы с другим основным значением в особых условиях функционирования этой формы» [5: 87]. В известных нам работах, посвященных семантике необходимости, присутствуют лишь отдельные замечания об императивности форм долженствования [13: 170; 24: 155–156; 25: 223–224], поэтому актуальной остается задача подробного описания характера соотношения семантики долженствования и императивности, или выявление «особых условий функционирования форм» долженствования [5: 87], при которых они осложняются или не осложняются семантикой императивности. В данной работе мы не претендуем на полноту такого описания, так как ограничены примерами, функционирующими в коммуникативном пространстве сообщества русских националистов «Спутник и Погром» в социальной сети «ВКонтакте», однако представляется, что здесь не обойдены вниманием основные семантико-прагматические разновидности побудительного и непобудительного долженствования.

Следует заметить, что такое исследование может восприниматься достаточно значимым и с практической точки зрения, так как позволит определенно дифференцировать прескриптивное и дескриптивное употребление форм долженствования.

Особенности семантики долженствования, осложненного императивностью. Осложнение семантики долженствования императивностью предполагает совмещение императивной ситуации и ситуации необходимости. Структуру первой организуют субъект волеизъявления и субъект-агнс [5: 85]. Структура последней сложнее: в ней выделяются субъект модальной оценки, объект оценки, или «некоторая предметная ситуация, которая характеризуется признаками нефактичности и волюнтаривности», фактическое существование которой обеспечивают субъект волеизъявления и агнс [3: 123]. В целом можно утверждать, что семантику императивности и необходимости сближают их потенциальный характер и адресованность волеизъявления [6: 78–79; 24: 142].

Императивная ситуация, отражаемая схемой «прескриптор» – «адресат-агнс», обязательно подразумевает каузацию: «императивный акт направлен <...> на преобразование ирреального (желаемого)... в реальное (действительное)» [5: 85]. Собственно говоря, это свойство и определяет императивную семантику (ср. определение значения императива, данное В. Ю. Гусевым: «Говорящий, самим фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [10: 21]).

Семантика необходимости осложняется побудительностью в том случае, когда речь идет о безусловной необходимости: «характеризуя ту или иную

ситуацию как облигаторную, говорящий тем самым побуждает адресата к выполнению действия» [24: 155]. Указание на облигаторность необходимой ситуации сужает побудительную необходимость до долженствования. Так, А. И. Изотов, имея в виду «постулативное долженствование», утверждает, что «квалификация того или иного действия (поведения) Агенса как необходимого (ненеобходимого)» является «достаточно обычным средством формирования побудительного высказывания» [12: 156]. В свою очередь, В. Ю. Гусев утверждает, что «повеление, выражаемое императивом, представляет собой частный случай долженствования» [10: 262]. Попытаемся уточнить эти тезисы применительно к националистическому дискурсу, функционирующему в социальной сети «ВКонтакте».

Примеры, реализуемые в условиях сообщества «Спутник и Погром», отражают семантико-прагматические разновидности ситуации долженствования, способные выражать значение побуждения: утилитарного, морального, социального долга. Эти разновидности достаточно подробно описаны в лингвистической литературе [7; 13; 20; 25], мы лишь дополнили эти представления отдельными замечаниями.

Ситуация утилитарного долга ограничивается «пониманием долга как ситуативной вынужденности совершения того или иного действия» или «как внутреннего побуждения, основанного на индивидуальной психической или физической потребности» [19: 253]. Данную ситуацию могут представлять утилитарная, техническая, каузированная разновидности необходимости, объединенные утилитарной модальностью [25: 221–222, 240–242, 244–246], или семантикой «надобности» [20].

И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер ситуацию утилитарного долга описывают как семантический класс долженствования «НАДО» [13: 173–174], когда высказывание «содержит упоминание цели или потребности самого субъекта» [там же: 173–174] необходимой ситуации: говорящий (преимущественно) оценивает будущее действие агенса в качестве необходимого для «достижения пользы, блага или предотвращения вреда, зла» [25: 240] для самого же агенса (*Сегодня, в День Флага, хотелось бы напомнить, что русский национальный флаг (и флаг русского национального движения) выглядит вот так. Это флаг, утвержденный в 1914 году Николаем II, последнее законное русское знамя. Русским националистам следует его использовать по следующим причинам <...> Выходя с таким флагом на общественное мероприятие, вы не будете вызывать вопросы у населения, а кто вы вообще такой и что это за тряпочка, флаг гражданами РФ считается как свой (22 августа 2019 года)*²⁴. Несомненно, достижение полезного для адресата-агенса результата зависит от его собственного волевого усилия.

²⁴ Здесь и далее сохраняются орфографические и пунктуационные особенности источника.

Ситуацию утилитарного долга в дискурсе русских националистов также способны отражать высказывания, представляющие собой активные конструкции с неагентивным подлежащим, выражающие значение потребности в существовании (в широком понимании, ср. формы потребности в пенитенциарной инструкции XIX в. [9: 16–19]). В данном случае говорящий (или иной субъект) определяет полезным для адресата как субъекта волеизъявления и агенса существование некоего положения вещей (*Топор должен быть острым а ты готовым. Без сомнений и сантиментов. Слава Руси!* (8 апреля 2018 года).

Императивность утилитарного долга определяется осознанием адресатом «практической необходимости» потенциальной ситуации [13: 173] с точки зрения ее пользы. Именно он в качестве субъекта волеизъявления и/или агенса в этом случае признается субъектом пользы [2] (ср.: «выражение воли может быть результатом произведенной оценки ситуации и признанием целесообразности того или иного действия» [19: 264], в свою очередь, целесообразность обеспечивает наличие пользы), то есть утилитарный долг возможно отнести к внутренней необходимости [1: 7; 11: 84–87], когда потенциальная ситуация выгодна адресату. Это обстоятельство свидетельствует о необлигаторности для адресата утилитарного долженствования в случае непризнания им полезности потенциальной ситуации, о возможности признания высказываний, его выражающих, адвисивными речевыми актами [21: 39], в том числе призывом. Так, И. Б. Шатуновский к призывам относит предложения утилитарной необходимости с эксплицитным (1-е лицо множественного числа) или имплицитным «мы» субъектом с модальным показателем в настоящем времени [25: 224].

Ситуации утилитарного долга противостоят ситуации морального и социального долга, реализующие семантику класса «ДОЛЖЕН» [13: 171–173].

Ситуация морального долга определяется особенностями, выделенными Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым в работе «Концепт долга в поле долженствования» [7]. Прежде всего, это неутилитарность, которая подчеркивает этичность морального долга: ему «подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели и не ожидая вознаграждения» [там же: 17]. Кроме того, этическая прескрипция носит вневременной характер: «долг существует априори, независимо от воли его носителя или посторонних лиц» [там же: 18]. То есть ситуация морального долга предполагает, что говорящий (или иной субъект) оценивает потенциальную ситуацию в качестве необходимой, а адресат, в свою очередь, является носителем неких этических установлений, которые определяют его в качестве субъекта волеизъявления и агенса, «свобода воли» которого ограничена [13: 172] (*Международное сообщество проигнорировало одесскую трагедию, и в летописи мировой скорби убитым в Доме профсоюзов русским не нашлось места. Но мы не*

международное сообщество, мы все прекрасно помним. Прощения не будет ни в этой в жизни, ни в последующих. Украина должна быть ликвидирована, а убийцы наказаны. Русские ничего не забывают и всегда возвращаются. Мы вернемся в Одессу, и тогда украинцам не поможет и сам Господь (2 мая 2021 года). Следует заметить, что это единственный выявленный нами пример, который возможно с высокой степенью вероятности квалифицировать как выражающий значение морального долженствования.

Каузация адресатом необходимой ситуации обязательна: «агенса обязан совершить некоторое действие <...>, если есть моральные принципы..., которые заставляют его так поступить» [18]. Именно эти обстоятельства указывают на ее нежелательность «в каком-то смысле» [13: 172] для адресата, выражающаяся в «некоем конфликте, который разворачивается в сознании» [15: 123]. В ситуации морального долга адресата возможно признать субъектом пользы, только если он не испытывает негативных последствий (внутреннего характера, связанных с конфликтом между долгом и иными факторами [там же: 123]) в случае неисполнения долга, то есть только если адресат исполняет долг: «исполнение долга само по себе дает чувство нравственного удовлетворения» [7: 17].

Подобное свойство возможно определить семантическим признаком ответственности, подразумевающим возможности адресата каузировать необходимую ситуацию и, в случае некаузации, испытать негативные последствия [9: 13]. Следует отметить, что каузация адресатом нежелательной необходимой ситуация определяет ситуацию морального долга как имеющую внутренний вынуждающий характер [1: 7; 11: 86]. Этичность побуждения определяет субъектом пользы того, перед кем у агенса моральный долг [7: 18], не всегда это говорящий или иной субъект модальной оценки (в нашем примере это «убитые в Доме профсоюзов русские»).

Наличие у адресата статуса признака ответственности позволяет признать моральное долженствование, несмотря на его внутренний характер, облигаторным.

Дискурсе русских националистов в условиях сообщества «Спутник и Погром» не всегда позволяет однозначно разграничить значения утилитарного и морального долга: «граница между долгом человека и его внутренней потребностью очень зыбка» [17: 42]. Каузация необходимой ситуации (*Всякий русский националист должен делать все от него зависящее, чтобы РФ стала Россией как можно скорее – потому что, простите за лексику, ну... так жить, правда* (22 мая 2019 года) может обуславливаться как этическими представлениями адресата, так и его внутренними потребностями.

В качестве отдельного замечания следует указать, что подобная семантическая близость, нередко неразличимость, утилитарного и морального долга позволяет нам относить первый к модальности долженствования, используя

270 | определение «утилитарный долг». Представляется, что однозначное разграничение категорий долженствования и необходимости, основанной на утилитарности [22: 561], в данном случае невозможно.

Ситуация социального долга отличается от предыдущей прежде всего нормативной утилитарностью. Этот признак обеспечивает говорящий (или иной субъект), который, предполагая достижение пользы в результате возникновения необходимой ситуации, объединяет роли субъекта модальной оценки и волюнтаристивности. Воля в ситуации обязанности обусловлена определенными «социальными конвенциями» и / или «местом в социальной структуре» [7: 19]. Для признания долженствования социальным долгом необходима «легитимность» социально обусловленной подчиненности адресата: «агенса обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает, или если есть <...> социальные установки, которые заставляют его так поступить» [18] (ср. один из немногих примеров, обнаруженных нами: *Правила по определению нужны, чтобы их соблюдать. Следовательно, используя язык – ты должен соблюдать его правила* (5 марта 2021 года).

Признание адресатом социальных установок, устанавливающих его подчиненность говорящему (иному субъекту) или установлениям, к которым говорящий (или иной субъект) апеллирует, наделяет первого как агенса необходимой ситуации признаком ответственности, когда возможное негативное воздействие приобретает внешний социальный характер.

Таким образом, говорящий (или иной субъект) в ситуации социального долженствования, или обязанности, как субъект целеполагания, оценивающий потенциальную ситуацию в качестве необходимой, выражающий волю, выступает несомненным субъектом пользы, тогда как адресат, являясь агенсом потенциальной ситуации, может быть признан субъектом пользы только в случае исполнения обязанности, что определяет ситуацию несущей внешний принуждающий характер [8: 1461–1462]. Ситуация социального долга обладает максимальной степенью обязательности.

Особенности семантики форм долженствования, не осложненной императивностью. Для долженствования каузация потенциальной ситуации факультативна. Здесь мы вынуждены повториться: именно признак отсутствия каузации лежит в основании разграничения императивности/неимперативности форм долженствования. Подобная ненаправленность форм долженствования на каузацию не столь очевидна, как, например, в случае выражения алетической необходимости (*9 июля 1918 года началось Муромское восстание. Оно должно было стать дополнением к Ярославскому, однако восставшим не удалось надолго закрепиться в городе, вскоре пришлось его покинуть и пробиваться по лесам к Капелю* (9 июля 2018 года).

Прежде всего, следует выделить дескриптивное употребление деонтического высказывания, когда реализуется «констатация существования» должноствования определенного рода [13: 170]. (*Нам бы хотелось, чтобы прокуратура и другие надзорные ведомства не переступали черту в стремлении заблокировать всю информацию, которая выделяет русских. Нужно отделять экстремизм, фашистские лозунги от исторической правды, которая не всегда была справедлива по отношению к русскому народу*), – подчеркнул Владимир Жириновский. Вместе с тем, лидер ЛДПР напомнил известное высказывание Императора Александра III: «Россия должна принадлежать русским, и всякий, кто живет на этой земле, обязан уважать и ценить этот народ» (6 июля 2017 года). Данный пример возможно было бы признать побудительным высказыванием, если бы субъектом речи выступал только «лидер ЛДПР» в качестве «транслятора прескрипции» [4: 241], здесь же автор-говорящий и его адресат явно не являются участниками описываемой речевой ситуации, высказывание представляет собой императив-цитату [там же: 242].

Кроме того, выделяется употребление форм, реализующих значение утилитарной необходимости, когда отсутствие реализации схемы императивности «прескриптор» – «адресат-агенс» обуславливается элементами речевой ситуации [5: 85], а точнее, «социальными ролями его участников и конкретной ситуацией, в которой осуществляется высказывание» [23: 188]. Так, высказывание *Русские мужчины, женщины и подростки с 16 лет должны иметь возможность свободно приобретать короткоствольное огнестрельное оружие, ибо свободный человек не должен изучать приемы вольной борьбы и ставить удар профессионального боксера ради сохранения своих чести, достоинства, здоровья и жизни* (19 августа 2019 года), функционирующее в условиях сообщества «Спутник и Погром», отчасти отражает ситуацию утилитарного долга, но, очевидно, не предполагает прагматического эффекта в виде каузации необходимой ситуации (*Само собой, в РФ этого не случится...* [там же], так как речевая ситуация, когда в националистическом сообществе социальной сети автор обращается к адресату, не позволяют безоговорочно признать адресата данного высказывания субъектом волюнтаривности и/или агенсом необходимой ситуации. Наиболее наглядно это демонстрируют примеры, где агенс назван (*Израиль – это многонацио-нальная страна и евреи должны уважать братский палестинский народ* (11 мая 2021 года), т. е. в семантической структуре подобных форм адресат является субъектом, некорреферентным агенсу и/или субъекту волюнтаривности. Говорящего в этом случае также затруднительно признать способным выполнять роль субъекта волюнтаривности: наблюдается «необязательность адресованности волеизъявления», точнее, ее неадресованность [6: 78].

Эти обстоятельства совмещают семантику утилитарности и оптативно-сти, а именно периферийное значение желаяния, сопряженное со значением

272 | цели [14: 176]. Такое сочетание модальностей реализуется предложениями, структура которых имеет/предполагает (в силу утилитарности) придаточное цели с союзом чтобы (*Я вижу, что все памятники надо снять и поставить за счет крпф новые, чтобы не потакать их белым патриархальным вкусам* (23 августа в 23:50); *Жители Донбасса должны быть представлены в Государственной думе, а не в Верховной раде* (2 апреля 2021 года).

Заключение. Таким образом, побудительность / непобудительность форм долженствования зависит прежде всего от статуса адресата высказывания и характера его прагматических отношений с говорящим. Императивность, или стремление говорящего к каузации необходимой ситуации, способна реализовываться только в том случае, когда адресат выступает субъектом волюнтаривности и / или агенсом потенциальной ситуации, субъектом пользы. Последнее обеспечивает потенциальность побудительного долженствования с той или иной степенью обязательности.

В дискурсе русских националистов, представленном в сообществе «Спутник и Погром» социальной сети «ВКонтакте», неимперативность долженствования, или его ненаправленность на каузацию необходимой ситуации, реализуется в случае дескриптивного употребления форм долженствования в качестве цитат либо в случае приближения значения долженствования к значению желания из-за особенностей речевой ситуации, определяющей некорреферентность адресата субъекту волюнтаривности и / или агенсу потенциальной ситуации.

Предложения с предикатами необходимости, реализующие значение, соотносящееся со значением желания, требуют, по нашему мнению, отдельного лингвистического описания.

Литература

1. Акимова И. И. Лингводидактическое описание инфинитивных синтаксических моделей русского языка со значением модальности «необходимость-ненужность» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11-3(101). С. 6–11. DOI 10.23670/IRJ.2020.101.11.067.
2. Акимова Т. Г. Бенефактивность и способы ее выражения в английских императивных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Часть 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. Москва, 1990. С. 99–103.
3. Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 123–126.
4. Бирюлин Л. А. Побуждение к действию в актах речи // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 238–243.

5. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 80–89.
6. Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 72–79.
7. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 1991. С. 14–21.
8. Голиков Л. М. Потенциальность нормы пенитенциарного закона XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 5. С. 1458–1464. DOI 10.30853/phil210199
9. Голиков Л. М. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Л. М. Голиков, О. В. Дружининская // Научный диалог. 2019. № 9. С. 9–23. DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.
10. Гусев В. Ю. Типология императива. Москва, 2013. 336 с.
11. Замятина Е. Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования (на материале русского и английского языков) : диссертация ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 142 с.
12. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Врно, 2005.
13. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 1991. С. 169–175.
14. Корди Е. Е. Оптативность. // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 170–185.
15. Кошелев А. Д. О языковом концепте ‘долг’ // Логический анализ языка: Языки этики. Москва, 2000. С. 119–124.
16. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 40 с.
17. Одинцова И. В. Употребление слов должен и / или надо для выражения категорий необходимости и предположительности в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2010. № 1. С. 40–48.
18. Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 17.11.2020).
19. Сабанеева М. К. Поле долженствования в латинском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Москва, 2005. С. 252–276.
20. Туровская С. Н. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 896.

274 | Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. Тарту, 1990. С. 4–40.

21. Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 34–40.

22. Ханнанова Д. М. Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2 (82). 558–564. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-558-564.

23. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 185–238.

24. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 142–156.

25. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). Москва, 1996. 400 с.

Leonid M. Golikov

**IMPERATIVENESS / NON-IMPERATIVENESS OUGHTNESS
IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NATIONALISTS (ON THE
MATERIAL OF THE COMMUNITY «SPUTNIK I POGROM» OF THE
SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»)**

Abstract. The article describes semantic and pragmatic features of the forms of oughtness functioning in the discourse of Russian nationalists, which is represented in the community «Sputnik i Pogrom» of the social network «VKontakte». The author distinguishes between the imperative and non-imperative oughtness: the first is represented by the statements that reflect situations of utilitarian, moral and social duty; the second are descriptive statements that hote the situation of oughtness, and statements that do not assume the addressee as a subject of volitioness or an agent of a potential situation and differ in semantics close to optative.

Keywords: discourse of Russian nationalists, duty, imperativeness, non-imperativeness.